

родию – пусть даже из самых лучших побуждений. А получилась именно пародия. Возможно, автор со временем лучше продумает идею своей поэмы и найдет более убедительный финал. Хочется пожелать ему успеха в этом поиске.

Владимир КАГАНОВ

2013 г.

«ЛЮБОВЬ... ЛЮБОВЬ?»

(о сборнике рассказов В. М. Мазаева
«Без любви прожить можно»)

Сборник рассказов В. М. Мазаева «Без любви прожить можно» издан давно, в 1995 году, издательством «Ковчежец». В него вошли рассказы, написанные в разные годы, некоторые из них он будет включать в последующие издания своих произведений, но именно этот сборник является законченным художественным целым, объединенным общей единой темой, старой и вечной, как мир. Когда-то Маяковский, начиная поэму «Про это», написал: «В этой теме, и личной, и мелкой, перепетой не раз и не пять, я кружил поэтической белкой и буду кружиться опять...» И заканчивал это вступление: «Имя этой темы – любовь».

Универсальность и емкость явления, названного этим словом, таковы, что очень мало кого из писателей и поэтов останавливает избитость данной темы. Привлекает к ней не соблазн сказать что-то новое, а возможность через нее выявить и показать те бесконечно индивидуальные связи между людьми, между человеком и природой, человеком и обществом, человеком и эпохой, которые особенно остро проявляются при свете такого привычного, известного и такого таинственно непостижимого чувства.

Самая, пожалуй, главная особенность рассказов В. М. Мазаева в том, что они не имеют однозначной, твердо диктуемой автором концовки-приговора, не допускающего иных вариантов прочтения темы или понимания выведенных характеров. И сюжет, даже самый увлекательный, не является самоцелью и не равен сам себе. Он, как правило, нужен автору для углубленного выявления сущности жизненных ситуаций и изображаемых характеров, которые и живут чаще всего не авторской волей и подсказкой, а своей внутренней жизненной логикой. И проявляет себя лишь изредка в авторской характеристике, но чаще всего в поступке, в действии. Понимание же этих действий, поведения персонажей автор в абсолютном большинстве случаев оставляет читателю, воздействуя на него более всего лишь стилем повествования и выявлением нравственного смысла изображаемых событий. Его рассказы и повести – психологическая проза.

В сборнике в двух рассказах представлена жизнь без любви. В остальных – с любовью. Именно в них и встанет главный вопрос: что же это такое, любовь, и все ли, что мы этим словом называем, ею является.

Повторюсь: автор не назидает и не определяет, он предлагает задуматься.

Первый из двух – «Без любви прожить можно» – дал название всему сборнику. Кульминационной точкой композиции этого рассказа является, конечно, частушка, которую поет мать, молодая женщина, одна воспитывающая четырех- или пятилетнего мальчонку: «Заиграла гармоза, а я думала гроза, Без любви прожить можно, а я думала нельзя».

Мать работает где-то на стройке штукатуром-малыром, зарабатывает гроши, ребенка оставить не с кем, живут в оставленном деревянном домишке в промежутке между железной дорогой и вечно пыльной грунтовкой, рядом протекает грязная канава-ручей. От полной безнадёги и отчаяния выпивает после работы, особенно в день полочки. В этой ее незамысловатой частушке много что скрыто. И «гармоза», знак бездумной молодости, и «гроза» – любовь, без которой, казалось, и жить нельзя, а вот, оказывается, можно. Мальчонка любит ее, мучительно ждет каждый день ее прихода и смертельно боится ее пьяных мокрых поцелуев и почти неизбежных побоев, как в этот день за нечаянно разбитую банку самогонки. Он уже приучился никому не верить и никого не любить, даже старую собаку, в конуре которой ночует, когда мать выбрасывает его на улицу. А когда утром перепуганная и обрадованная мать пытается вытащить его из конуры и собака ее кусает, он тычет собаку острым концом сломанной лыжной палки. «В этой собачьей покорности и беззащитности ощутил внезапно некую неиспытываемую прежде для себя сладость. И захотелось еще!» – пишет автор. Да, «без любви можно прожить – можно».

Конечно, рассказ гораздо богаче чувством и смыслом, чем это явствует из изложения фабулы. Очень много в нем добавляет и мир вещей, окружающий мальчишку, и детали пейзажей, и несобственно-прямая речь ребенка, и суммарно-обозначающий способ передачи психологизма, складывающийся из соединения авторской речи и видения, речи матери и внутренней речи ребенка. Дополняет смысл рассказа и ближайшая аллюзия из русской литературы. У А. М. Горького есть рассказ, очень близкий по сюжету и по чувству, – «Страсти-мордасти». Герой поздним вечером помогает пьяной проститутке выбраться из грязной лужи и отводит ее к ней домой, в полуподвальную комнатку, где она живет с маленьким сынишкой. У мальчика парализованы ноги, он обречен сидеть безвыходно в картонной коробке и дышать пылью, которую поднимает мать, когда занимается своей легальной деятельностью – треплет конопляную паклю. Мальчик с недетским цинизмом понимает образ жизни матери, у которой лицо обезображено провалившимся носом, но любит ее веселость, доброту, жалеет и завидует ей, что она может «как собака, идти куда захочет». Но больше всего на свете он любит собирать тараканов, мух, всяких козявок и складывать их в спичечные коробки. Там они

живут. Это его «зверильница». И мечта его – когда-нибудь оказаться в чистом поле, раскормить их и всех выпустить на волю: «Гуляй, домашние!» Его мать тоже поет песню: «Придут страсти-мордасти, разорвут сердце на части. Ой, беда, ой, беда, куда спрячемся тогда...» Какой рассказ страшнее, сказать трудно. Но рассказ Мазаева остро современен и глубок своей тревогой.

Другой вариант «безлюбой жизни», своеобразно, но не сюжетом дополняющий первый, дан в рассказе «Эх, люди-лошадьи...». Это любимое восклицание героя, Пахи Гусельникова, когда люди что-то делают не по-его, чем-то раздосадают или обидят. Собственно фабула в рассказе предельно краткая. Паха Гусельников, пятидесятилетний моторист лесхоза, согласился подежурить около движка на электростанции, пока в поселке гуляется свадьба. О нем забыли, Паха в обиде: «Эх, люди-лошадьи...» Распалив до нужного градуса свою обиду, он выключает свет. Приходит встревоженный свояк, отец невесты, отпускает Паху на свадьбу поздравить невесту, где его и побьют, и из-за стола выбросят. На этом коротком событийном пространстве автор даст и портрет хилого Пахи, и обстановку разбитого «хозяйства», где он живет с большой старой матерью, и основные события незадавшейся жизни: не был способен и не хотел учиться в школе, не был призван в армию по причине энуреза, по этой же причине, не прожив и месяца, ушла жена, а о позоре узнала вся деревня. А характер сформировался болезненно обидчивый, потаенно самолюбивый и невероятно закомплексованный. Ключевая точка композиции рассказа – воспоминание пьяного, побитого, бесконечно уставшего душой Пахи о детстве в вырытой отцом землянке на строительстве Кузнецкстроя. Отец, активист и ударник, буквально «горел на работе», тяжело заболевшую мать отправили в Томск, а шестилетний Паха мучился с больным и вечно плачущим трехлетним братишкой. С досады побил его. Братишка к вечеру затих, умер. Той страшной ночью уснувший Паха первый раз обмочился. «И вот сейчас, сидя сгорбленно на ступеньках чужой свадьбы, с болью обиды в сердце, пятидесятилетний жухленький телом Паха Гусельников вдруг с трезвой тоской понимает, что вся его мелькнувшая жизнь – всего-навсего тот пронзительный день детства, когда он, напуганный и голодный, бродил меж снующими, замордованными работой людьми – в поисках... отца», – пишет автор. Не было и не будет в жизни человека любви, хотя будет всякое.

Остальные рассказы сборника – о любви. Приходящей, «когда ее совсем не ждешь», и когда ее жаждут и даже гонятся за ней, и когда от нее пытаются бежать. Как всегда в рассказах и повестях А. М. Мазаева, герои – самые обыкновенные заурядные люди, этим и интересные, и обстоятельства – самые обыденные, житейские, и язык – не сочиненный, а услышанный и тщательно пропущенный через строгий критерий авторского сознания и мастерства.

Виды любовного чувства и проявления его разные, заставляют вспомнить «Трактат о любви» Стендаля, только тут они не в форме абстрактных обобщений, а в самых незамысловатых, несконструированных, а прозой жизни созданных проявлениях. Первый рассказ – «Жив останусь – свидимся». Есть у Мазаева цикл, названный «Рассказы сибирячки». Это поистине неисчерпаемый кладезь народной речи и народных характеров. Совсем не случайно автор повествованием из этого цикла открывает сборник о любви.

Конец зимы военного 1944 года, март, «Цыган уж шубу продал». Но во глубине Сибири ночами те еще холода. Рыболовецкий колхоз отправляет в райцентр последний обоз с мороженой рыбой в фонд обороны. На изможденных лошаденках сопровождающие – старик-председатель, две женщины и мальчишка. На счету каждый килограмм груза. К женщине, ведущей рассказ, и обращается соседская семнадцатилетняя девчонка Варька со слезной просьбой увезти ее тайком в обозе в райцентр, т. к. она уже на седьмом месяце беременности, а больницы в селе нет, да и если мать, бригадир, все время на реке, узнает – хоть в прорубь головой! Любовь, жалость и сострадание движут женщиной, заставляя ее согласиться вопреки всем правилам, писанным и неписанным войной, здравым смыслом и обстоятельствами. Да и само зарождение ребенка не в ладу с принятыми правилами и обычаями и нормами. Еще в конце лета шли через деревню из дальнего прииска двое на призывной пункт в райцентр. И одного из них, восемнадцатилетнего парня, свалила простуда, и десять дней отлеживался он под присмотром Варьки. Слюбились они. А в райцентре живут его отец и мать, ждут весточки от сына, отправленного на фронт. Отец уже получил похоронку на сына, прячет от матери, показывает женщине-рассказчице, а она ему – о рождении внука. Это краткое изложение сюжета, а за ним, как всегда у Мазаева, точная, яркая, чистая речь рассказчицы-сибирячки, напряженное развитие внутреннего конфликта, вроде и не глобального по случаю войны, но для персонажей рассказа – единственно и самого важного в их жизни, а в конечном итоге и в жизни страны. Глубоким внутренним смыслом наполняется фраза, вынесенная в название рассказа, сказанная героем, Володькой, при прощании с Варей: «Жив останусь – свидимся». Именно любовь протянет живую нить от него, убитого, к отцу и матери, и Варьке, к жизни живой. А Варька, как ни суди ее по законам морали, по автору заслуживает только той оценки, что дает ей рассказчица: «Святая душа».

Куда сложнее, может быть, потому, что без трагизма, а в самых обыденных обстоятельствах, внутренний конфликт другого рассказа – «Задача с двумя неизвестными». Герой его – простой шофер Гоша, крутящий баранку грузовика на дальних рейсах, а место действия – вполне узнаваемые наши кузбасские края. Он же и повествователь, рассказывающий попутчику-журналисту о своей жизненной

«задачке с двумя неизвестными». Задача чрезвычайно распространенная, встающая перед очень многими, а особенно в молодости. Школьная любовь в далеком таежном поселке простоватого во всех отношениях мальчика и девочки повыше его интеллектом и более строгих нравственных правил. При окончании школы мечты и планы, ночные свидания и поцелуи до головокружения. Особенно последнее свидание – вроде бы уже и в постели, но она – само благоразумие и «застегнута на все пуговицы» в прямом и переносном смысле. Его обида, разочарование. Потом армия, переписка, в которой в подтексте любовь, а в тексте гордыня и поддразнивание друг друга мнимыми связями. И на этом фоне после армии совершенно случайная встреча с другой, мягкой, отзывчивой, податливой, ласковой... Женитьба, рождение двух дочек, работа... И как-то в рейсе, случайно, встреча с той первой, тоже вышедшей замуж, потому что так надо. И она выходит на дорогу и часами ждет его проезда через поселок, бежит, как девчонка, ему навстречу. Хочет от него ребенка, обещает потом никогда не напоминать. Гоша – простая душа, не обремененная знанием никаких современных теорий. И он – абсолютно нормальный человек. Он говорит рассказчику: «Ведь знает же: я семью не брошу, девчонку своих по ветру не пущу. Дак нет, как ни еду – стоит». И ту, первую, он тоже жалеет и любит, именем ее уж жену ночью называл, но и тут говорит: «Я вот тоже люблю ее... только за что, не спрашивай... А как жить и знать, что где-то растет у тебя сын или там дочь?»

Ключевая точка композиции в этом рассказе очень своеобразная и на первый взгляд даже имеет отношение не к главному его вопросу, а только к профессии героя. Это один, казалось бы, проходной эпизод: «За кюветом, привалив заборчик, лежали на боку «Жигули». Для глаза, привыкшего воспринимать легковую машину в ее изящной, обтекаемой форме, непривычно и дико видеть грубую изнанку – грязное, пропыленное днище с хаосом переплетений рамы ходовых узлов. Густая крошка выбитых стекол блестела по кромке шоссе, как изморозь... на чем-то расстеленном плаще сидела девушка, уткнув в ладони лицо. Сквозь пальцы по обнаженным рукам текла темная и блестящая в свете фар кровь... у нее была разбита голова». Нет, это не одна из героинь. Это просто дорожный эпизод. Но жизнь – это путь, это дорога. И беспричинных случайностей на ней нет. Не зря автор завершает рассказ вопросом, обращенным к Гоше: «Где ты сейчас, Гоша? Разрубил ли ты свой гордиев узел или все еще, душевно перегорая, притормаживаешь возле окраинного дома Раскати-хи, надеясь в искренней, но наивной попытке поделить пополам то, что не делится? Как не делится пополам живой человек...»

Следующие два рассказа – о любви, которая еще и не состоялась, и неизвестно, будет ли она вообще, вырастет ли она из случайного стечения обстоя-

тельств. Один – «Кошки-мышки» – из жизни взрослых, уже поживших людей, другой – «Танюшка» – о молодых людях, только вступивших во взрослую жизнь. Рассказ «Кошки-мышки» будет позже переиздан под названием «Эти неожиданные ситуации», но первый вариант названия мне представляется более отвечающим его содержанию и подтекстовому смыслу. И отношения мужчины и женщины – чаще всего игра с результатом, хотя и предсказуемым, но чреватым большими неожиданностями, и вообще жизнь – игра и увлекательная, и сложная.

Женщина, далеко еще не старая, но уже воспитавшая в одиночку хорошего взрослого сына, оканчивающего школу, живет с ним в комнатке в коммунальной квартире. Она уже доведена до отчаяния не столько теснотой, сколько хамством и бесцеремонностью соседей по квартире. В безуспешных, и не один год, попытках обмена случайно сталкивается с мужчиной, обменный вариант которого возможен лишь при немедленных, быстрых действиях обоих и при том, что они – одна семья. Возникает невероятно сложный, напряженнейший нравственно-психологический конфликт, порожденный тем, что они оба глубоко порядочные люди, не наделенные ни малейшей авантюрной жилкой и с молодую-то не искатели приключений. Она – недоучившийся врач лечебной физкультуры в санатории, он старше ее, очень серьезный инженер-производственник. Именно он проявит в этой ситуации и понимание, и мудрость, и терпение, и самое настоящее благородство. Она провожает его после вселения в полученное нормальное жилище в недолгую командировку в аэропорту, и автор заканчивает рассказ о ее внутреннем состоянии такой фразой: «То были темные минуты, у грани, за которую лучше не заглядывать...»

И опять же – в тексте осталось множество психологических коллизий в душе и поведении женщины: тревожных до паники, радостных, смятенных и удивительно правдивых и точных.

Рассказ «Танюшка» вообще удивителен по динамизму движения сюжета в его, так сказать, завязке, занимающей добрую четверть объема рассказа, и по тончайшей психологической нюансировке возникающего между героями чувства, которое выявится даже не столько в тексте, сколько в подтексте, пронизанное атмосферой тепла, любви и согласия.

Водитель атээски (вездеход, снятый с вооружения) Митя не смог удержать на размытом ливнем косогоре тяжелую могучую машину, и она ушла в мощный ледяной поток разлившейся реки. Митя с пассажиром-попутчиком, капитаном милиции Шварченковым, едва успели выскочить через люк и спаслись. Митя вылезил вторым и промок уже до нитки. Шквалистый холодный ветер валил с ног, Шварченков лучше ориентировался в безлюдной ночной степи и шел впереди. Митя очень скоро перестал чувствовать руки, ноги, шапку утопил еще в реке и абсолютно выбился из сил. Капитан не

дает ему погибнуть и выводит в деревню, к дому, где живут его мать, братья и младшая сестренка Танюшка и куда он собственно и ехал. В атмосферу дома, теплую, сердечную и в то же время трудовую и деловитую, так органично вписывается Танюшка, девушка, заканчивающая совсем скоро школу, общая любимица. Пока Митя приходил в себя под заботливым присмотром матери и Танюшки, Шварченков с помощью братьев трактором вытащили утонувшую аттээску, и воскресший Митя увидел ее около дома, всю облепленную илом и грязью. И будет в этот день еще одна поездка, только уже на запряженной в телегу лошади, в леспромхоз за специальным маслом и соляжкой. И теперь уже бразды правления будут в руках Танюшки, так хорошо ладящей и с людьми, и с лошадей, и с разлившейся рекой. А потом они вместе поедут на возрожденной аттээске спасать из разлившейся реки митиных знакомых по работе. Автор очень скупыми штрихами характеризует героев помимо того, как они себя раскрывают в действии. У Мити кличка «танкист», потому что он никогда не оставял в беде застрявших шоферов. У Танюшки на шее простенькие бусы, в которые вплетен маленький осколочек снаряда, когда-то ранившего на войне ее уже умершего отца. О любви между ними не сказано ни слова. Но вот Танюшка усаживается в кабину аттээски ехать с Митей выручать его товарищей и на просьбу молодой красивой жены брата тоже поехать с ними отвечает: «Тамарочка, ты такая нарядная, а тут грязно-прегрязно, тут можно только в рабочем...» – и засмеялась чему-то». Это последняя фраза рассказа.

Есть в сборнике еще два рассказа о любви в более мужском, если можно так выразиться, понимании этого слова. В более мужском потому, что для мужчины стремление к любви к женщине в гораздо меньшей мере связано с желанием иметь семью, а в большей – и в самоутверждении, и в стремлении испытать влечение страсти, и в других, главным образом эгоистических устремлениях. Это рассказы «Хочу на Модуйку», позже в двухкратном переиздании названный «Прекрасная моя тунгусочка», и «Я забуду тебя, я тебя позабуду», в переиздании названный «Шоколадка, подпрыгивающая в стакане». Оба рассказа о любовной связи молодой, чувственной, радостной, которая обычно долго, иногда на всю оставшуюся жизнь помнит и след в душе может оставить глубокий.

Видимо, вовсе не случайное, что главные герои обоих рассказов – люди очень мобильного рода занятий. Один – пилот местных авиалиний, доставляющий грузы по воздуху в сибирское бездорожье, другой – инженер-наладчик, вся жизнь которого в разъездах и командировках. А героини – женщины молодые, полные сил и желания жить, любить и верить, что на этом и жизнь стоит – на искренности и самоотвержении в любви. В первом рассказе, при всей узнаваемости его драматического конфликта, привлекает его внутреннее жизнеутверждение, даже я бы сказал, чистота, идущая от искренности чувства героев. И это при

том, что любовная связь летчика и молодой фельдшерницы из забытого богом рыбацкого поселка Модуйка, озарившая и согревшая жизнь героев, тем самым опалит жизнь жены летчика и душу юноши, влюбившегося в героиню. Конфликт, при всей распространенности, очень острый, часто мучительно переживаемый, но он для каждого участника новый, единственный, а по большому счету – любовь всегда права, даже если не правы оба любящие.

Сложнее и глубже внутренний конфликт второго рассказа. Его герои – инженер-наладчик и молодая художница по росписи посуды на фаянсовой фабрике – оба молоды, свободны, и их чувство ничьей другой судьбы не задевает. Оба навстречу своей любви идут легко, радостно и даже как-то бездумно. Но в этой кажущейся легкости и заложено принципиальное различие в понимании и жизни, и любви между мужчиной и женщиной, по крайней мере, в этих двух рассказах. И различие это автор раскрывает очень тонко, психологически точно и убедительно. Открытость, раскованность ее любви определяется не какой-то особой чувственностью или легкомыслием, а ее доверием к любимому человеку, предполагающим и ответное доверие. У него же – и несомненная увлеченность, и даже страсть, но на основе эгоизма. И эгоизм этот на протяжении рассказа проявляется не один раз и так психологически верно, тонко выражен, что герой его и сам в себе явственно не ощущает, не признает, принимает за нечто совсем другое, для него самого более объяснимое и приемлемое. Момент истины наступает тогда, когда через шесть лет после расставания с героиней, Линой, герой в очередной командировочной поездке встречает в вагоне поезда мужчину с пятилетним мальчиком (с этого и начинается рассказ). В общении и выясняется, что мальчик этот – его сын, а Лина, уже в стадии неизлечимой раковой болезни, лежит в больнице. Герой приходит к ней, и на его упрек, что не сообщила ему о беременности, о рождении сына, она отвечает: «Ну зачем бы я тебе сказала? Ты же слабый человек... Да, слабый. И ты бы остался. Я знаю. Из-за ребенка. Сделал бы одолжение... Шесть лет ни письма, ни звука. Ты умер, понимаешь? Исчез, растворился, тебя не существует...»

И снова, в полном соответствии с творческой манерой В. В. Мазаева, в рассказе появляется деталь, на первый взгляд не имеющая никакого отношения к сути рассказа, настолько она не нарочита. Когда герой сидит около больницы, потрясенный неизбежностью смерти когда-то так любимой и желанной женщины, он видит, как около мусорной урны «по бумажной обертке от мороженого ползала запоздавшая оса, ветер завихрялся вокруг урны, двигал со скрипом бумажку, оса взлетала и снова упрямо садилась – жалкая жертва даровых сладостей», это не заключительная фраза рассказа. Там другая, какой и подобает быть итоговой фразе. Здесь же не то подсознательная оценка героем себя самого, не то ав-

торская замаскированная оценка не только героев, но и всех нас, людей. Не то просто так. Но не зря автор в переиздании назвал рассказ уже так: «Шоколадка, подпрыгивающая в стакане».

«История с альтернативным концом» – единственный в сборнике рассказ, где автор не только не маскирует свою личную нравственно-этическую позицию, но, напротив, всячески ее подчеркивает, а в конце так и выражает напрямую. В то же время это не авторское назидание, а, как и все рассказы в сборнике, плод «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Обыденность и распространенность конфликта, образующего рассказ, подчеркнута уже эпиграфом (тоже, кстати, единственным в сборнике) от святого Августина: «Даруй мне чистоту сердца и непорочность воздержания, но не спеши, о Господи!»

Ведущим средством раскрытия характеров персонажей, помимо сюжетного движения, динамичного и насыщенного при внутренней пустоте их существования, становится их портретная характеристика, краткая и очень оценочная. Героиня: «Приятной внешности молодая стройная женщина (рвущаяся из-под заколок копна волос, персиковые тени, аккуратная в джинсах «Мальвина» попочка) разошлась с мужем, потому что он не устраивал её как мужчина. Её подруга: «С тугими монгольскими скулами, плотненькая телом, этакая торбочка, и – безотказная». Приятель на вечеринке: «Лидерствовал в застолье Рома Белкин, щекастый и румяный, широкий, как дверь. Он был с гитарой умопомрачительной марки «Этерия де Люкс». Ещё один любовник, Олег Олегович, «был он без возраста и внешних особенностей, как агент разведки». Приоритет, как видим, деталям не только внешним, а физиологическим. В этих портретах нет лиц и глаз. Даже имя и фамилия героини – Ася Кременецкая – появляется только в третьем абзаце. Второе средство – окружающий мир вещей, отобранных автором очень экономно и точно, переходящих в общем контексте в символы. Таков красный фонарь, который включает один из её любовников в маленькой комнатухе-лаборатории, где они «снимают момент напряжения». Такова полированная стенка спального гарнитура, подаренного ей родителями в день свадьбы. «Занимаясь с мужем любовью, любила она подглядывать одним глазом за веселой схваткой в шоколадной глубине сплетённых тел». После развода с мужем «сей апофеоз супружеского благоденствия» потускнел, расшатался. Но при появлении нового, перспективного с её точки зрения любовника она этот гарнитур очистит, отшлифует, и он станет «тайным экраном, без которого она уже не могла». Когда же эти любовники начнут меняться, как в калейдоскопе, повергая её во все большее разочарование и печаль, автор пишет: «Апофеозом этой печали были повисшие вдоль щёк недавно ещё пышные волосы, а также следы старой косметики на лице. Квартира тоже отреагировала: вещи,

тряпки нагло вылезли из углов, портьеры обвисли, перекосябились...» И при этом в изображении Аси Кременецкой и её друзей автор вообще не находит места анализу хоть какого-то их внутреннего состояния, порывов души, поскольку их вообще нет. Этому посвящён один короткий абзац: «Ася ощущала себя обманутой. Супружество, без сомнения, обернулось лажей. Заманило девочку сказкой, оглушило родами, сунуло на кухню, в пелёнки, в чужие драные носки...» Дочка у неё есть, но она лишь помага для любовных походов, благо, есть родители, «деды». Суждения о любовниках злые и связаны только с телесными ощущениями. Даже о том, последнем, единственном, как ей показалось, самом любимом, она скажет подруге так: «Верись – нет: к какому месту на теле ни прикоснись – везде он!»

Какой он великолепный с точки зрения художественного воплощения вариант пустой души! И как ощутимо веет классической русской литературной традицией, традицией Гоголя и Чехова, над которой автор не иронизирует, как современные постмодернисты, а плодотворно и талантливо её развивает. Завершает В. М. Мазаев рассказ, можно сказать, «выстрелом в десятку». Ася влюбляется головокружительно и страстно, готовится свадьба. И тут приходит известие, что он, Юра, находясь в длительном рейсе, спал в машине при работающем моторе и задохнулся. Ася потрясена и убита горем. Но тут автор себя как сочинителя останавливает, выходит из своей роли и дописывает, как было в жизни. Да, с Юрой все было так. Но задохнулся он, как дорасскажет один из приятелей Аси, «не один, а с бабой». Хороший приём, работающий на постановку авторской задачи. Да, «без любви прожить можно». Куда сложнее с любовью, особенно если ею не жить, а «заниматься».

Если в «Истории с альтернативным концом» любовь явлена в своем самом агрессивном телесном, бездуховном варианте, то последний рассказ сборника «Девочка во ржи» вобрал в себя всю полноту авторского понимания этого феномена внутренней жизни человека. Чувство, охватывающее двух уже не молодых, жизненно опытных зрелых людей, есть лишь часть их давно и прочно сложившегося мироощущения, часть важная, желанная, искомая, но не закрывающая собой всей полноты картины жизни. У нее за плечами жизнь, полная труда, нелепая гибель мужа, пьяным разбившегося на мотоцикле, воспитание уже пятнадцатилетнего сына, старая больная мать. У него – напряженная и ответственная работа начальником геологической партии, постоянно в тайге, уже давно разлаживающиеся отношения с женой, редкие встречи со взрослым сыном. Кульминационным моментом их в общем-то случайной встречи в алтайском селе становится в рассказе поиск ночью, после грозы, пропавшей двенадцатилетней девочки, ребенка для обоих чужого. Девочка эта – тихое безответное создание, лишившееся дара речи после попытки со-

вершения над нею насилия со стороны взрослого подонка, – это, конечно же, образное воплощение человеческого страдания, присутствующее в контексте мировой литературы и особенно близкое Достоевскому и Чехову. Образ ее воплощен автором в рассказе подчеркнуто бесплотным, с размытыми конкретными деталями облика. Как молчаливое видение проходит она по поселку, видением предстанет однажды она и герою, он долго и безуспешно будет искать ее следы, когда она только что пройдет по берегу и невесомо по воде. Да и догадка, где ее искать ночью, придет к нему как внезапное озарение. Ночные поиски девочки Савиным и Фаиной (героями рассказа) вместе с другими жителями деревни приобретают в рассказе вполне очевидный подтекстовый смысл как поиск ими вообще пути и пути друг к другу. После спасения девочки, после близости между ними женщина скажет герою: «...ночью вот шагаю за тобой, а сама думаю: я вот и дороги знаю лучше, и куда идти, и вижу в темноте дальше... а все равно за тобой идти было покойно как-то, радостно...»

Это возникшее между героями любовное чувство вберет в себя и их любовь к простым человеческим радостям жизни, к природе, к музыке, тревогу за детей, память о близких, душевное благородство и – самое главное – чувство безмерной ответственности за жизнь. Сделано это у В. М. Мазаева поразительно по психологической глубине и тонкости воплощения.

По ходу очерка уже отмечалось, что у автора есть такая интересная и значимая особенность его творческой манеры. Он в процессе движения сюжета вводит такой эпизод или такую зарисовку, которые на первый взгляд могут показаться случайными и не имеющими прямого отношения к развитию темы. И лишь по прочтении рассказа осознаются как расширение художественного времени рассказа («Эх, люди-лошади») или его художественного пространства («Задача с двумя неизвестными») или дополнительный подтекстовый смысл («Я забуду тебя...»), что и позволяет насыщать небольшое словесное про-

странство рассказа глубоким смыслом. В данном рассказе это сделано так. Савин дважды по ходу рассказа пытается вспомнить, где он видел такой взгляд, каким смотрит на него старуха-мать Фаины. И лишь в третий раз, когда уже пришел проститься, а Фаина ушла на кладбище, на могилу мужа, он этот взгляд вспомнил. Так смотрела на него старуха-кержачка, когда он, молодой еще прораб, прокладывал дорогу к рудному месторождению, приказал снести ее ветхий домишко, мешавший продвижению. Он не вышвырнул ее из дома, ей быстро построили дом новый и добротный. Но старуха провела там одну ночь, а наутро пошла в старую избушку, потому что старая-престарая икона Николая угодника упала со стенки в новом доме, показывая, что святой угодник не принимает новое жилье. Тогда и приказал Савин развалить хилый домишко бульдозером, что и было тут же сделано. Старуха смотрела на него так, что он подумал: «Таковыми глазами, наверно, будут смотреть на антихриста». А теперь, вспоминая взгляд матери Фаины, думает: «Что между ними общего?» Необъяснимая все-таки, предательская штука – память».

А память – это голос нашей совести. Это то, что хранит наша душа. В суете повседневности мы многое забываем, но в душе нашей остаются следы пережитого, и рано или поздно душа, совесть, память нас требуют к ответу. Как писал великий Пушкин, «Воспоминание предо мной свой длинный развивает свиток... И с отвращением листая жизнь мою, я трепещу, и проклиная, и горько жалеюсь, и горько слезы лью, но строк печальных не смываю».

Многочисленны и разнообразны варианты любовного чувства в рассказах сборника. Авторская цель, конечно, в нем, чтобы заставить нас задуматься над ними. Очевидно одно: любовь там, где затронута и говорит душа.

Анатолий САЗЫКИН,
доцент кафедры литературы,
кандидат педагогических наук КузГПА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

21 марта 2014 года в Новокузнецком художественном музее прошел вечер памяти, посвященный 65-летию юбилею поэта Н. М. Николаевского. Мероприятие состоялось в рамках традиционных «Литературных бесед», организуемых новокузнецким филиалом Кемеровского отделения Союза писателей Кузбасса, Литературно-мемориальным музеем Ф. М. Достоевского и Новокузнецким художественным музеем.

Почтить память человека и литератора собрались друзья, коллеги, писатели, общественные деятели. Своими воспоминаниями поделились: В. З. Началова, журналист и бывший редактор газеты «Горняцкая солидарность», где до последнего дня трудился Николай Николаевский; поэты – А. Раевский, В. Бокин, Т. Николаева, В. Угрюмов; прозаик Н. Ничик; журналист Ю. Чурсин.

3 апреля в Юрге прошло представление новой книги А. Голунчикова (Сибирцева), в котором принял участие поэт Б. Бурмистров.

9 апреля прошел творческий вечер писателя Владимира Переводчикова, на котором юбиляр представил свою новую книгу.

10 апреля в Полысаеве прошло представление коллективного сборника «Это судьба, и ничья, не другая», в котором приняли участие поэт А. Катков и писатель В. Переводчиков.

7–13 апреля в Красноярске прошел Межрегиональный литературный фестиваль «КУБ». Кузбасс на этом форуме представлял поэт Дмитрий Мурзин. Он принял участие в круглом столе, посвященном роли литературы в дружбе народов, работал на семинаре «Поэзия – вдохновение и мастерство» (руководитель Геннадий Калашников), встречался с читателями в книжном магазине «Бакен», читал стихи в галерее «Секач», был членом жюри поэтического конкурса «Король поэтов», на котором победила автор нашего журнала, поэт из Кузедеево Марина Чернокутова.

17 апреля поэты С. Донбай и Д. Мурзин встретились с читателями поселка «Звездный».

23 апреля в Кемеровском коммунально-строительном техникуме состоялся традиционный поэтический праздник «Весна в Притомье». Со своими стихами выступили поэты Б. Бурмистров, А. Катков, А. Иленко, Д. Мурзин. Прозвучали песни на стихи Б. Бурмистрова и Д. Мурзина. Вечер вела Л. Виноградова.

24 апреля в Кемеровском институте РЭУ им. Г. В. Плеханова прошло представление коллективного сборника стихов «Слияние душ и голосов». На

представлении свои стихи читали поэты Б. Бурмистров, А. Катков, А. Иленко, В. Иванов, Д. Мурзин и студенты института.

25 апреля в Гостиной дома литераторов состоялся вечер арт-поэзии «Я – жива». В исполнении группы «МОНО» гости Дома литераторов увидели премьеры двух арт-миниатюр: «Я – жива» и «Тихо время струилось...» (поставленная на тексты кузбасской поэзии 70-х). Поэтический вечер завершился авторским чтением известных кузбасских «поэтов-семидесятников»: Бориса Бурмистрова, Александра Ибрагимова, Александра Каткова и Татьяны Николаевой.

25 апреля состоялся вечер в литературном кафе при Доме литераторов Кузбасса. Свои стихи читали «поэты 70-х»: А. Ибрагимов, Б. Бурмистров, А. Катков, В. Иванов.

25 апреля в областной библиотеке им. Федорова в рамках «Библионочи» прошел поэтический конкурс. Жюри в составе поэтов Ю. Сычовой и Д. Мурзина зафиксировали победу постоянного автора журнала «Огни Кузбасса» Ю. Дубатова. Специальный приз получил Ю. Климанов.

6 мая в храме преподобного Сергия Радонежского в праздник великомученика Георгия Победоносца прошел пятый Георгиевский урок Победы, организованный Ю. Н. Малышевым. С учащимися школ встретились ветераны войны и военной службы. Стихи о Великой Отечественной войне прочел поэт А. Иленко.

8 мая в Доме литераторов Кузбасса студия «Притомье» (руководитель поэт Д. Мурзин) провела вечер военной поэзии. Звучали стихи и песни военных лет.

9 мая скончался давний автор нашего журнала, шахтер и поэт Николай Бацевич. Добрый, красивый, искренний человек. Николай Бацевич прожил трудную, честную, хорошую жизнь. Многие годы он был постоянным участником студии «Притомье» и оставил о себе только хорошие воспоминания.

17–18 мая 2014 года турбаза «Дельфин», которая расположена на живописном берегу Беловского водохранилища, приняла около сотни участников и гостей 2-го Всероссийского фестиваля поэзии им. Алексея Бельмасова. На приглашение организаторов откликнулись 13 городов Кузбасса, Новосибирской области и Республики Алтай.

Организаторами выступили «Литературное объединение Л.И.К.», литературный альманах «Образ», поэты Д. Филиппенко и С. Уланова.

Жюри конкурса фестиваля составили семь членов СПР: Дмитрий Мурзин, Галина Золотаина, Дми-